

Г. Ю. Ивакин

СВЯЩЕННЫЙ ДУБ ЯЗЫЧЕСКИХ СЛАВЯН

В 1975 г. при расчистке русла Днепра немного ниже устья Десны был поднят со дна реки древний мореный дуб, в ствол которого было вставлено девять кабаньих челюстей клыками наружу¹. Ко времени приезда на место археологов кабаньи челюсти были вырублены из ствола дерева и разобраны речниками на сувениры. Археологам удалось разыскать восемь из девяти челюстей (рис. 1), вбитых в дерево. На стволе дуба в месте вырубki хорошо сохранились прямоугольные отверстия, куда кабаньи челюсти были вставлены. Эти отверстия вместе с собранными челюстями дают возможность полностью восстановить первоначальный вид данного фрагмента дерева.

Дуб сохранился практически полностью (не считая верхних ветвей) вместе с корнями, общая высота дерева 9,6 м, диаметр ствола у корней — 0,65 м. На высоте 6 м, перед раздвоением ствола, в него были всажены девять нижних кабаньих челюстей (диаметр ствола в этом месте 0,52 м). Отверстия для челюстей сделаны, по всей видимости, долотом в виде прямоугольников (4—5×6—7,5 см) на глубину 16—18 см. Челюсти вставлены таким образом, что снаружи оставались только клыки. Вставленные в ствол челюсти образовали квадрат со стороной 33—34 см. Расстояние между клыками по прямой практически одинаково — 16—17 см (рис. 2). Дуб с челюстями простоял достаточно долго — клыки заросли древесиной примерно на 4 см. На стволе дуба заметны также следы воздействия огня.

Вставленные в дуб на большой высоте, причем в правильном порядке, кабаньи челюсти, а также следы от огня (возможно, обрядового кострища) позволяют предположить, что этот необычный дуб — священное дерево, предназначенное для ритуальных обрядов.

Известна еще лишь одна аналогичная находка. В 1910 г. со дна Десны между Остром и Черниговым был поднят дуб, в ствол которого было вделано четыре кабаньих клыка². Об этом факте упоминается во многих работах, так или иначе касающихся вопросов славянской языческой мифологии. Следует, однако, отметить, что место находки этого дуба некоторыми исследователями указывалось неверно. Так, Н. Ф. Лавров и Н. Н. Воронин писали, что дуб был найден «на дне Днепра у устья

¹ Предварительное сообщение: Г. Ю. Ивакин, К. Н. Гупало. Священный дуб славян. — «Археологические открытия 1976 года», М., 1977, с. 300, 301.

² К. В. Болсуновский. Памятник славянской мифологии, в. II. — «Перунов дуб». Киев, 1914 (в этой публикации снимок фрагмента дуба с клыками дан в перевернутом виде — клыки должны быть направлены вверх, а не вниз.)

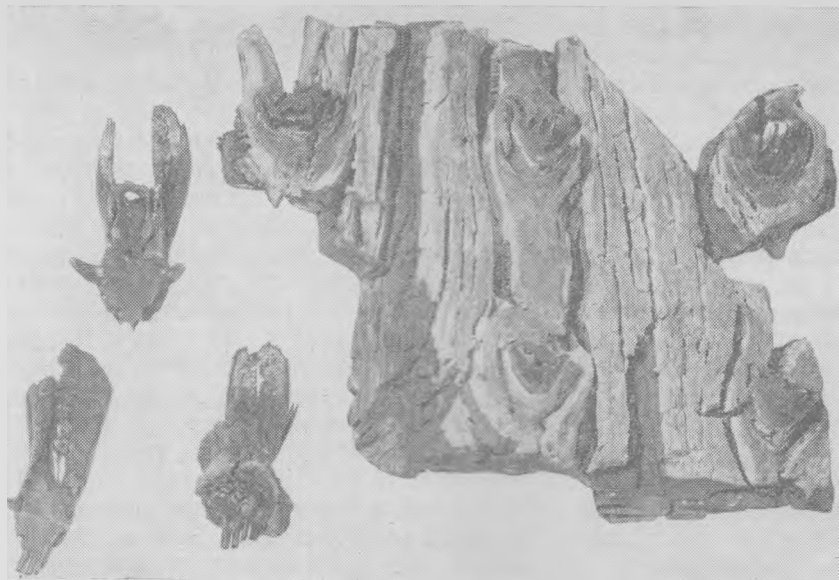

Рис. 1. Фрагмент дуба с кабаньими челюстями

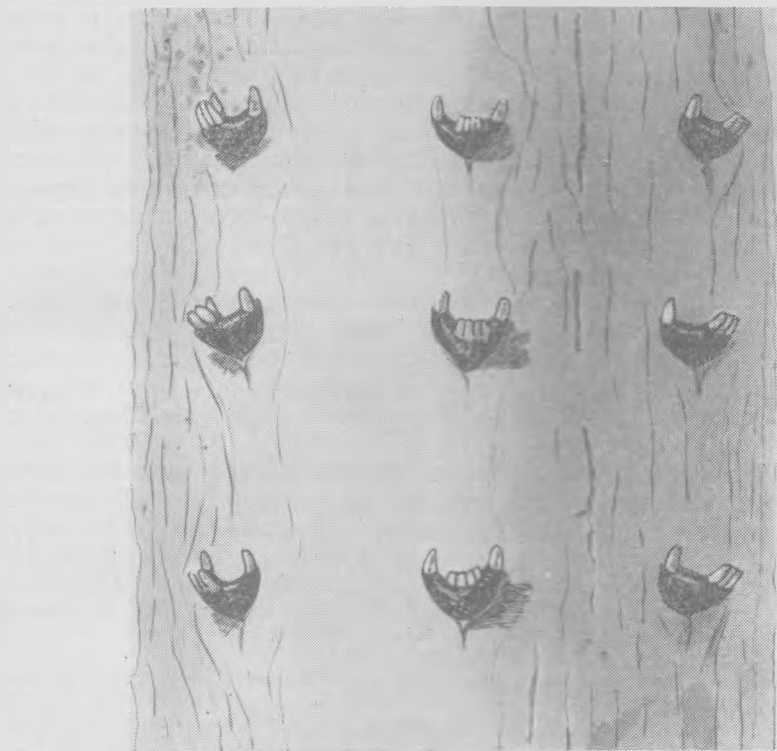

Рис. 2. Реконструкция фрагмента дуба с вставленными кабаньими клыками.

Десны»³ (угадывая местонахождение дуба, открытого в 1975 г.), Р. С. Липец говорила о Днестре⁴.

Для правильной атрибуции находки 1975 г. необходимо обратиться к верованиям и обычаям языческих славян.

В общем культе природы у языческих славян особенно широко было распространено поклонение деревьям. В летописном рассказе о князе Кие сообщается, что поляне «бяху же тогда погании, жруще озером и колодязем, рощением, яко же прочии погании»⁵.

Варяг-христианин, на чьего сына в 983 г. пал жребий быть принесенным в жертву языческим славянским богам, говорил о последних, что «не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть»⁶. Почти буквально то же самое заявили князю Владимиру Святославичу «нѣмци от Рима», которые уговаривали князя в 986 г. крестить Русь под патронатом Римской церкви, — «а бози ваши древо суть»⁷. И хотя здесь имелись в виду лишь деревянные изображения богов языческого пантеона в Киеве, эти высказывания отражают также и значимость культа дерева в дохристианской Руси.

Поклонение деревьям сохранилось и после принятия христианства, хотя, как свидетельствует Синодальная редакция Устава Владимира Святославича, всякий, «кто молиться подъ овиномъ, или в рощеньи, или оу воды»⁸, подлежал церковному суду. И, думается, далеко не прав был Кирилл Туровский, говоря, что современные ему русичи стали истинными христианами: «не нарѣкутся богом стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источницы, ни древа»⁹. Явно преувеличивало победу христианского мировоззрения и «Житие Константина Муромского», сообщая, что «...дуплинам деревянным ветви и убрисом обвешивати и им покланяися, все присташа»¹⁰. Следы поклонения деревьям можно было еще встретить и несколькими веками позднее. Так, нижегородские священники жалуются в своей челобитной 1636 г., что «въ седьмый четвертокъ по Пасцѣ собираются жены и девицы подъ древа, подъ березы, и приносятъ яко жертвы, пироги и каши и яичницы и поклоняс березамъ оучнудъ походя пѣсни сатанинские приплетая пѣти и дланми плескати, и всяко бесятся»¹¹. Иногда сочетание христианства и пережитков почитания деревьев принимало довольно своеобразные формы в виде обычая служить молебны под деревьями. Недаром еще в XVIII в. Феофан Прокопович записал «пред дубом молебни петь»¹².

Как считает Н. М. Гальковский, возможно «остатком почитания деревьев служило празднование „Семена“ (праздник свечи, или женитьбы свечи). Празднование „Семена“ состояло в том, что в Киеве в ночь с 1 на 2 сентября на базарах ставились елки и увешивались фруктами, плодами, арбузами и пр. Также ставились напитки и кушанье. Празднество совершалось всю ночь»¹³.

Как свидетельствуют письменные источники, в языческом культе деревьев особенно было распространено почитание дуба. В трактате «Об управлении государством» (написанном между 948 и 952 гг.) Кон-

³ «История культуры Древней Руси», т. II. М.—Л., 1952, с. 63; Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. М.—Л., 1941, с. 159.

⁴ Р. С. Липец. Эпос и Древняя Русь. М., 1969, с. 223.

⁵ «Холмогорская летопись». — «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 33, Л., 1977, с. 11.

⁶ «Повесть временных лет», ч. 1. М.—Л., 1950, с. 58.

⁷ Там же, с. 60.

⁸ «Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.». М., 1976, с. 23, 31, 38 и др.

⁹ Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т. I. Харьков, 1916, с. 49.

¹⁰ «История культуры Древней Руси», т. II, с. 95.

¹¹ Н. М. Гальковский. Указ. раб., с. 50.

¹² Там же, с. 53—64.

¹³ Там же, с. 54.

стантин Багрянородный описывает поклонение русов священному дубу на острове св. Георгия (о. Хортица). «Пройдя это место (Краийскую переправу.— Г. И.), они достигают острова, называемого св. Георгием, и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует их обычай»¹⁴. Вполне понятно, почему именно на о. Хортица приносились жертвоприношения. Здесь киевские караваны останавливались после преодоления порогов и Краийской переправы — наиболее опасного места на Днепре, так как «эта переправа шириною приблизительно равна ипподрому» (около 80 м.— Г. И.) и «долетает стрела стреляющего с одной стороны на другую. Посему печенеги приходят на это место и нападают на русов»¹⁵. Вероятно, здесь и погиб, возвращаясь в Киев, князь Святослав Игоревич.

Под самым Киевом стоял какой-то «Добрый» дуб, название которого, вероятно, перешло на урочище, что упоминается под 1169 г. в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи: «Ярополкъ же с Берендичи настигоша Володимира на Желяни оу Доброго доуба»¹⁶. Возможно, это был один из священных дубов, стоявших на дорогах к Киеву в языческие времена.

Еще об одном священном дубе упоминается в летописи при описании восстания смердов в 1071 г. в Суздальской земле. Воевода князя Святослава Ярославича Ян Вышатич после подавления восстания отвозит пленных волхвов к устью Шексны, где и убивает их, а тела вешает на дубе: «...убиша я и повесиша я на дубъ»¹⁷. Н. Н. Воронин справедливо считает, что «в данном случае заключительный акт суда княжеского агента Яна был разыгран не в случайном месте, но в традиционном — у священного дуба в устье Шексны»¹⁸.

Культ деревьев (и в особенности дуба) был распространен не только в Древней Руси. О соседней Хазарии Моисей Каганкатвацци, повествуя о миссии епископа Исраила (VII в.) к язычникам-савирам, писал, что последние «высоким густолиственным дубам поклонялись, как скверному идолу Аспандиату, приносили ему в жертву лошадей, кровь их поливали вокруг дерев, а голову и кожу вешали на сучья деревьев»¹⁹. Жрецы, сопротивляясь распространению христианства, заявляли: «...будем поклоняться деревьям и приносить им жертвы и требы как до сих пор»²⁰. Подобное же поклонение дубу наблюдал в Крыму Константин Философ (Кирилл) во время своего путешествия в Хазарию (IX в.): «Бѣше же въ Фоульсте языцѣ дубъ великъ (велии) съраслѣся съ чръшню, подѣ нимъ же трѣбы дѣяху (творяху)»²¹.

О поклонении священным дубам балтийских славян свидетельствует Гельмольд. Путешествуя из Альденбурга в Любек, «пришли мы,— пишет он,— в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидели священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове»²².

Герборд (XII в.) рассказывал о находившемся в Штеттине (современный Щецин) густолиственном дубе, у подножия которого протекал

¹⁴ Константин Багрянородный. Об управлении государством.— «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», в. 91. М.—Л., 1934, с. 9, 10.

¹⁵ Константин Багрянородный. Указ. раб., с. 9.

¹⁶ «Ипатьевская летопись».— ПСРЛ, т. 2, М., 1962, стлб. 534.

¹⁷ «Повесть временных лет», с. 119.

¹⁸ Н. Н. Воронин. Указ. раб., с. 159.

¹⁹ Моисей Каганкатвацци. История агван. СПб., 1861, с. 200.

²⁰ Там же, с. 202.

²¹ П. Лавров. Кирило та Мефодій в давньослов'янському письменстві. Київ, 1928, с. 281.

²² Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963, с. 185.

источник. Местное население почитало этот дуб, считая его священным жилищем божества²³.

По свидетельству Козьмы Пращского, еще в его время (XII в.) у чешских крестьян сохранялся культ деревьев. Богам поклонялись в дубовой роще, на скале, «любимом местопребывании богов», там же под дубами приносились жертвы богам. Чешский князь Брячислав уничтожал эти священные рощи и деревья²⁴.

Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, направляясь по Оке из Булгара в Киев (1150 г.), отмечал поклонение мордвы деревьям: «Они почитают некое дерево, перед которым кладут земные поклоны»²⁵.

Отношение к дубу как к священному дереву сохранилось и после полной победы христианской религии. Польский историк Бзовский в «Житии св. Яцека»²⁶ писал, что жители Киева тайно собирались на близком к городу острове для совершения языческих обрядов, причем оказывали особое почтение находившимся там старым дубам²⁷. Конечно, к этому сообщению следует относиться осторожно — католическому писателю выгодно было подчеркнуть склонность к язычеству в стране, где господствовала православная церковь.

Дубы почитались священными и в Литве XV столетия. Ян Длугош сообщает о походе польского короля Владислава Ягелло (Ягайла) совместно с великим князем литовским Витовтом в 1413 г. в Жмудь, где солдаты вырубали священные рощи и разрушали языческие капища²⁸. Иезуиты-проповедники Вега и Иероним Книскиус (конец XVI в.) писали, что им «...пришлось срубить стародавние дубы, почитаемые литовцами, и тушить священные огни»²⁹.

М. А. Максимович, приводя примеры пережитков поклонения дубам на Украине XVIII в., указывает на свидетельство «первой части Духовного Регламента, где сказано: також на ином месте попы с народом молебствуют перед дубом и ветви онаго дуба поп народу раздает на благославление»³⁰. А следы обряда, описанного Константином Багрянородным, по его мнению, можно увидеть в «игорном дубе». «Напоминанием этого Днепровского дуба остался на Украине игорный дуб на зеленых святках, и гульбицы в устроенном около него кругу»³¹.

Н. М. Гальковский приводит сохранившийся до начала XX в. обычай, живо напоминающий языческое поклонение дубу: «В поместье Хреновое, Бобровского уезда, Воронежской губернии... молодые после венчанья, непосредственно выйдя из церкви, едут к дубу, стоящему недалеко от села, и три раза объезжают вокруг него»³².

А. Л. Монгайт, комментируя запись Абу Хамида о поклонении деревьям у мордвы в XII в., указывал, что священные дубы и принесение в жертву скота перед деревом (на камне, покрывающем яму для стока крови) сохранялись у мордвы до недавнего времени³³. Кроме дубов, особой популярностью у мордвы пользовались священные «прощеные

²³ А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, с. 20.

²⁴ М. Касторский. Начертание славянской мифологии. СПб., 1841, с. 131.

²⁵ «Путешествия Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». М., 1971, с. 37.

²⁶ Яцек (Иакинф) Одровонж, доминиканский монах (1183—1252 гг.). Проповедовал католицизм в Киеве в 1222—1226 гг.

²⁷ К. В. Болсуновский. Указ. раб., с. 13.

²⁸ «Jana Długosza roczniki czyli Kronika królestwa Polskiego». — «By czas nie zaćmił i niepamięć». Warszawa, 1975, s. 210.

²⁹ Э. Вольтер. Литовская литература. — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. XVII А, СПб., 1896, с. 809.

³⁰ М. А. Максимович. Дни и месяцы украинского селянина. — В кн.: М. А. Максимович. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, с. 508.

³¹ Там же, с. 509.

³² Н. М. Гальковский. Указ. раб., с. 54.

³³ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...», с. 119, 120.

липы», которые обладали свойством отвращать гнев раздраженных богов и получать от них прощение³⁴.

По мнению Т. Д. Филимоновой, «как остатки старого культа деревьев следует рассматривать пасхальные шествия к старым дубам. В конце XVIII в. в графстве Равенсберг на первый день пасхи шли на близлежащие холмы к старым деревьям. В княжестве Минден ...водили хороводы... вокруг старых дубов»³⁵. Такие шествия на пасху к старым деревьям сохранялись в Германии еще в XX в.

Кульτ дуба у славян связывался с культом Перуна — бога грома и молнии. Исследователи также указывают на общеиндоевропейский характер связи бога грозы с дубом³⁶. Достаточно упомянуть, что в Древней Греции и Риме дубы посвящались соответственно Зевсу и Юпитеру. Балто-славянское имя бога грома — Пер/к/ун. Название мордовского бога грома Ruġine/—ras/, вероятно, заимствовано от балто-славянского, и поэтому мордовские мифы могут быть привлечены для наших аналогий. В большинстве известных источников, в мифах, устных традициях бог грома связан с деревом (особенно дубом), дубравой, лесом.

Дуб Перуна прямо назван в грамоте галицко-волынского князя Льва Даниловича от 3 октября 1302 г., в которой князь жалует Перемышльскому епископству с. Рушевичи: «А отъ тои горы до Перунова Дуба горѣ Скломѣ. А отъ Перунова дуба до Бѣлыхъ береговъ»³⁷. Эта грамота — фальсификат³⁸, однако она фальшива только в отношении права Перемышльского епископства на владение данными землями, а не в отношении топографических ориентиров. Напротив, в таких случаях они обычно сообщаются с особой точностью и тщательностью.

В «Ипатьевской летописи» встречается также название «Перуня рѣнь» — песчаная коса, мыс. Из текста («и проиде сквозѣ пороги извѣрже и вѣтр на рѣнь юже и до сего дни словет Перуня рѣнь»³⁹) ясно, что это мыс какого-то острова ниже порогов, весьма вероятно — Хортицы. Летописец связывает это название с деревянной статуей Перуна, сброшенной князем Владимиром в 988 г. в Днепр и якобы выброшенной волной на этот мыс. Однако представляется маловероятным, чтобы летописец в Киеве точно знал место, куда идол был принесен рекой. Возможно, этот топоним более раннего времени, чем введение христианства, а летописец, зная хорошо известный топоним на великом водном пути «из варяг в греки», связал его с событиями 988 г. Можно предположить, что возникновение названия мыса связано со стоявшим там Перуновым дубом, который (или подобный) был описан Константином Багрянородным.

Интересно, что выше порогов и сейчас существует с. Перун (Вильнянский р-н Запорожской обл.).

В Далмации известна гора, которая именуется Перунова Дубрава⁴⁰.

Сочетание «дуб Перкунаса (Перуна)» часто встречается и в балтийских источниках. По данным литовской мифологии, «Перун выезжал из своего великолепного замка и расчесывал зеленый дуб, там стоявший»⁴¹. В мифах литовцев Перкун преследует вельнаса или велинува (черта). Сцена преследования «происходит непременно вблизи дуба или какого-

³⁴ М. Е. Евсеев. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губ. — «Живая старина», 1914, № 1—2, с. 2—4, 12—15.

³⁵ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники». М., 1977, с. 154.

³⁶ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 12—14 и др.

³⁷ «Грамоты XIV ст.». Київ, 1974, с. 19.

³⁸ С. М. Кашистанов. Интитуляция русских княжеских актов X—XIV вв. — «Вспомогательные исторические дисциплины», в. VIII, Л., 1976, с. 74.

³⁹ «Ипатьевская летопись», стлб. 102.

⁴⁰ М. Касторский. Указ. раб., с. 71.

⁴¹ Там же, с. 54.

нибудь дуплистого дерева»⁴². Как отмечает Э. Вольтер, «перкунопочитание у литовцев тесно связано с почитанием стародавних дубов, у которых приносились жертвы крашеными нитками, яйцами, сыром и другими продуктами»⁴³. Обращение к Перкунасу у жемайтов всегда совершалось возле священного дуба⁴⁴. Вундерер в 1613 г. во время своего путешествия по Курляндии встретил в Мариенхаузене языческий дуб, которому поклонялись латыши, называя его «Перуновым дубом»⁴⁵. Прямые свидетельства о «дубе Перуна» в Латвии встречались еще в начале XIX в.⁴⁶ Древними пруссами особо почитался священный дуб в Ромове, где поклонялись трем богам, главным из которых был Перун⁴⁷.

В капище Перуна поддерживался вечный огонь, причем в священный костер бросались только дубовые дрова. Жреца, по вине которого угасал огонь, согласно Густынской летописи, казнили: «...ему же (Перуну. — Г. И.) яко богу жертву приношаху и огонь неугасающий зъ дубового древія непрестанно паляху; аще ли бы случилось за нерадѣніемъ служащего іерея когда сему огню угаснути, такового іерея без всякого извѣта и милости убиваху»⁴⁸. Почти то же говорит В. Н. Татищев, передавая слова М. Стрыйковского, которые, по его мнению, взяты из древней летописи, не дошедшей до нас: «Перун, бог грома, ему же неугасимый огонь, содержан от дров дубовых, подобно как у грек Юпитеру, у варяг же Тор имянован»⁴⁹. Пережитком подобных языческих обрядов «остался западнославянский обряд у хорутанских девчат, что они в Троицкий четверг, равно как и в чистый, разводят на поле или в дубраве огонь, величаемый в их припевах святым огнем, я полагаю, что от обрядных игр Сухого четверга осталась на Украине девичья игра, называемая Горю-дубом»⁵⁰, — писал М. А. Максимович. Примечательно, что обряд исполнялся в четверг, т. е. в день, посвященный Перуну. Четверг соотносится с богом грома не только в славянских и балтийских, но и в германских языках. Связь планеты Юпитер и соответствующего ей бога с четвергом прослеживается в Аттике, Вавилоне, древней Индии, Тибете⁵¹.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о широком распространении культа деревьев (особенно дуба) у древних славян и в комплексе позволяют уверенно указать на достаточно близкую связь в славянской мифологии дуба и бога грозы Перуна. Именно старые дубы посвящались могучему Перуну.

Наряду с культом растений в комплексе языческого мировоззрения древних славян сохранялось и почитание священных животных. На лесном севере до позднейшего времени дожили следы почитания медведя. Местные легенды и поверья подтверждаются археологическими находками во владимирских курганных погребениях XI в.⁵² глиняных муляжей медвежьей лапы и медвежьих костей. В Поднепровье наряду с почитанием коня, козла, быка был развит культ дикого кабана — вепря. Вепрь был сильнейшим представителем фауны Восточной и Средней Европы, а свиноводство в ее лесных областях — одним из направлений раннего скотоводства. Вероятно, поэтому и культ вепря, а затем сменивший его культ домашней свиньи привился у славян (и у других народов Европы) наиболее прочно.

⁴² Э. Вольтер. Литовская мифология. — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. XVII^A, с. 813.

⁴³ Там же.

⁴⁴ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. раб., с. 15.

⁴⁵ А. С. Фаминцын. Указ. раб., с. 102.

⁴⁶ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. раб., с. 15.

⁴⁷ А. С. Фаминцын. Указ. раб., с. 109.

⁴⁸ «Густынская летопись». — ПСРЛ, т. 2, СПб., 1843, с. 257.

⁴⁹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М. — Л., 1962, с. 101.

⁵⁰ М. А. Максимович. Указ. раб., с. 509.

⁵¹ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. раб., с. 24, 25.

⁵² Н. Н. Воронин. Указ. раб., с. 149—190.

Древнерусские летописи и былины неоднократно повествуют об охоте на вепря и о торжественном поедании кабаньего мяса на княжеских пирах. Р. С. Липец видит в этих «вепревых» угощениях на древнерусских пирах «отголоски... обрядового поедания мяса вепря, связанного с древним культом вепря». В былине о Даниле Ловчанине рассказывается о том, как князь Владимир Святославич поручает богатырям привести к «столу княженецкому» вепря: «А ёго серцо-то всё с печенью на пиру будем кушати». В требовании князя привести «кабанища» живым угадывается «необходимость умерщвлять жертвенное животное в особой обстановке, особыми приемами и специальными лицами»⁵³. Да и сами княжеские пиры времени Владимира Святославича были отголосками древних публичных жертвоприношений, завершавшихся ритуальным пиршеством.

Вепрь был излюбленным и почетным объектом княжеской охоты. В своем «Поучении» Владимир Мономах, рассказывая о своих охотничьих подвигах, говорит, что: «...вепрь ми на бедръ мечь оттяль»⁵⁴. А князь Данило Галицкий со своими «воями» «оуби вепревъ шесть а самъ же оуби их рогатиною 3 а три отрочи его и вдасть мяса воемъ на поуть»⁵⁵. Вероятно, в языческие времена перед охотой на вепря князья приносили жертвы своему покровителю — Перуну.

Среди фресок южной башни Киевской Софии сохранилась фреска с изображением сцены награждения свиной головой и окороком. Бородатый человек в остроконечном тюрбане держит левой рукой на плече свиную голову, а в правой — свинной окорок. В Хлудовском евангелии также есть фигура ряженого, несущего на вытянутых руках окорок. В данных изображениях исследователи видят отголоски «древнего заклания поросенка и подарков царю во время пира»⁵⁶.

Обрядовое поедание свинины было широко распространено не только у славян. Известно, что литовец во время грозы «с открытой головой выносил на плечах своих, в поле окорок и обращался к Перуну: „Воздержись, Перкун, и не причини беды в моем поле, я же дам тебе за это этот окорок“. Когда же гроза прекращалась, он сам съедал окорок, вероятно в качестве жертвенной трапезы»⁵⁷. Здесь мы видим прямую связь ритуального поедания свинины с Перуном. У мордвы подобные жертвоприношения зафиксированы во время рождественских праздников. «Варят свиную голову и готовят выжимки, и все родные сходятся со всего рода племени, и всех старшая старушка возьмет ту свиную голову, и пойдут на камень юртавы и все присядут; старушка и начнет говорить: „Содержащая корень дома, юртава, Бог сруба, кормилец, вот в твоё имя мы зарезали свинью и всю голову принесли тебе, а нам ты что оставишь? А ты нам дай для семьи здоровья, и для скотины дай здоровья и добра, чтобы плодилась и тучнела“. Потом мужик возьмет свиную голову и пойдет с нею в свинной хлев, находящийся в сосновом бору. А те все возьмут по одному кусочку и пойдут затем по домам и есть и гулять»⁵⁸.

С введением христианства культ вепря трансформировался и стал связываться с почитанием отдельных святых. Покровителем свиней считался Василий Кесарийский. Ритуальное поедание свиного мяса сохранилось в цикле новогодних празднеств, особенно 1 января, в Васильев день. Свиное мясо, свинья голова или печенье в виде свиньи составляло необходимую принадлежность Васильева вечера. В Орловской губ. на 1 января жарили поросенка и называли его кесарецким, т. е. в честь

⁵³ Р. С. Липец. Указ. раб., с. 222.

⁵⁴ «Повесть временных лет», с. 162.

⁵⁵ «Ипатьевская летопись», стлб. 830.

⁵⁶ Д. Айналов, Е. Редин. Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889, с. 112.

⁵⁷ А. С. Фаминцын. Указ. раб., с. 103.

⁵⁸ А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, с. 98.

Василия Кесарийского⁵⁹. У чехов существовало поверье о появлении накануне рождества на небе золотого поросенка. А. С. Фаминцын совершенно справедливо предположил, что «повсеместно распространенный между славянами обычай бить свиней на рождество... имеет не случайное, а совершенно определенное мифологическо-обрядное значение»⁶⁰.

Аналогичные ритуалы распространены по всей Европе во время годоводных, пасхальных и масленичных праздников. Блюда из свинины (особенно свиная голова) в качестве ритуальной трапезы были зафиксированы в Германии, Великобритании, Австрии, Испании, Италии, Румынии, Греции, в славянских странах⁶¹.

Следует специально отметить, что обычно ритуальное поедание свиного мяса приходится на четверг, день, посвященный богу грома и молнии.

Следы поклонения кабану были неоднократно обнаружены и в археологических памятниках. В курганных погребениях Поднепровья часто встречаются кабаньи клыки-амулеты. В киевском некрополе их находили как в рядовых, так и в богатых срубных захоронениях. И. А. Хойновский во время земляных работ в усадьбе Кривцова (ул. Десятинная) в 1892 г. собрал в пяти языческих погребениях 14 кабаньих клыков, причем еще какое-то количество клыков было найдено и хозяином усадьбы. Здесь же в погребении с конем среди других ритуальных предметов был найден кабаньих клык⁶². В срубном погребении, открытом к северо-востоку от Десятинной церкви в 1909 г., было найдено три кабаньих клыка-амулета⁶³.

Кабаньи клыки нередко встречались и при раскопках Киевского городища. К. В. Болсуновский указывает, что «В. Б. Антонович находил их во множестве на местах древних киевских капищ, а В. В. Хвойка — в садах при Десятинной церкви (раскопки 1908 г.)»⁶⁴.

В Шестовицком могильнике в курганах № 42 и 120 были найдены кости и голова свиньи⁶⁵. Не раз находили кабаньи клыки и в курганных погребениях древлян.

Как свидетельствует обнаруженный во время раскопок Б. А. Рыбаковым во Вщиже кабаньих клык с процарапанной на нем надписью «Г(оспод)и помози рабу своему Фомѣ», подобные амулеты продолжали существовать и после распространения христианства на Руси⁶⁶.

Все эти факты свидетельствуют об укоренившемся среди древних славян культе дикого кабана (и сменившем его затем культе домашней свиньи). Говоря о кабане как ритуальном, жертвенном животном, мы здесь также отмечаем определенную связь с культом бога грозы Перуна.

Обнаруженный в Днепре дуб свидетельствует о близкой связи в славянской мифологии культов зверей и священных деревьев. Здесь соединяется культ наиболее сильного представителя местной фауны — вепря с культом дуба. Оба культа тесно связаны с почитанием главы древнерусского языческого пантеона, бога грозы, покровителя князя и его дружины, с культом Перуна. Следует отметить, что если связь дуба с Перуном вырисовывается достаточно выразительно, то связь кабана как священного животного с культом Перуна выражена не столь явно. Тем

⁵⁹ Д. Айналов, Е. Редин. Указ. раб., с. 114.

⁶⁰ А. С. Фаминцын. Указ. раб., с. 247.

⁶¹ См., например: «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники». М., 1973, с. 151, 244 и др.; «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники», с. 17, 54, 165, 248, 306, 322 и др.

⁶² И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. Киев, 1893, с. 23, 28, 29.

⁶³ М. К. Каргер. Древний Киев, т. II. М.—Л., 1961, с. 176.

⁶⁴ К. В. Болсуновский. Указ. раб., с. 14, 15.

⁶⁵ Д. І. Білфелд. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977, с. 181.

⁶⁶ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.— «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953. с. 118, 120.

не менее мы считаем, что можно поддержать предположение К. В. Болсуновского⁶⁷, что именно такие священные дубы с инкрустированными в них кабаньими клыками посвящались богу грома и молнии Перуну.

Судя по сохранившимся корням, священный дуб Перуна не был срублен во время введения христианства на Руси. Скорее всего можно предположить, что он был подмыт разливами Днепра и рухнул в реку, где и пролежал до нашего времени. Дуб, по всей видимости, стоял неподалеку от того места, где его нашли. Вероятнее всего, на самом берегу Днепра (немного выше или в месте впадения в него Десны), у переправы, где пересекались два важных торговых пути. Один из них — днепровский, великий водный путь из Греции, второй — сухопутный, ведущий вдоль правого берега Десны из Киева через Лутаву, Моровийск и Шестовицу в Чернигов. Следует отметить, что сюда подходили также припятский и деснянский водные пути. По сообщению Константина Багрянородного, русские караваны, направляясь в Константинополь, собирались у Киева, где переоснащали ладьи, готовя их к далекому морскому путешествию⁶⁸. Возможно, что и наш священный дуб стоял недалеко от места сбора этих караванов, а может быть, и был одной из условленных точек сбора.

На скрещении торговых путей, на развилках рек находились и другие известные языческие святилища. Так, капище Перуна на Перыне в Новгороде было расположено у оз. Ильмень на развилке двух крупнейших торговых путей: днепровского пути и водного пути по Волге в Каспийское море. Дуб, упоминаемый в летописной статье 1071 г., также находился на торговом пути — в месте впадения Шексны в Волгу. «Добрый» дуб на Желяни стоял на развилке дорог у Киева. Как правило, языческие святилища встречаются у пересечения торговых путей, до и после преодоления особо опасных и трудных мест, лежащих на пути караванов (например, днепровские пороги) в начале очередного этапа далекого (и часто опасного) путешествия. И конечно, далеко не случайно эти святилища располагались на торговых дорогах. Как отмечает Б. А. Рыбаков, «дружинники-купцы... выплывая на ладьях в далекий путь, приносили жертвы богу грозы и оружия Перуну... И на всем дальнейшем пути купцы-дружинники не забывали своих воинственных богов, клялись их именами при заключении договоров, приносили им в жертву животных, возили с собой их изображение»⁶⁹. Одним из таких святилищ-жертвенников, где приносились жертвы Перуну перед далеким и опасным походом, и был обнаруженный в Днестре священный дуб.

Эта находка еще раз подтвердила широкое распространение почитания дуба и вопреки в Поднепровье, а также тесную связь этих двух культов в древнеславянской мифологии. В настоящее время Киевская экспедиция Института археологии АН УССР передала Перунов дуб в Музей народной архитектуры и быта УССР в Киеве, где его законсервировали. В недалеком будущем этот дуб будет экспонироваться под открытым небом.

⁶⁷ К. В. Болсуновский. Указ. раб., с. 17.

⁶⁸ Константин Багрянородный. Указ. раб., с. 8.

⁶⁹ «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1949, с. 366.